

ББК 63.3(2)531+63.521(=611.2)

*Ю.М. Гончаров***Особенности формирования еврейской общины Сибири XIX – начала XX в.****Yu.M. Goncharov***Features of Formation of Jewish Community in Siberia in the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries**

Рассмотрен процесс формирования еврейской диаспоры в Сибири в XIX – начале XX в. Среди его особенностей можно назвать значительную на первоначальном этапе складывания еврейского населения роль ссылки, все большее с течением времени преобладание естественного прироста в увеличении численности диаспоры, противоречивая политика центральных властей и преимущественно негативное отношение местной администрации. В то же время взаимоотношения с местным населением и местными сообществами были в значительной степени толерантными, что и предопределило, в конечном счете, успешную интеграцию евреев в сибирский социум.

Ключевые слова: евреи, диаспора, Сибирь, община, толерантность.

При изучении мигрантов во взаимодействии с местными сообществами и властью – проблемой чрезвычайно актуальной в наши дни – весьма показательной является история формирования еврейской диаспоры в дореволюционной Сибири.

При этом история еврейских общин Сибири, несмотря на повышение в последние годы интереса исследователей к истории российских евреев, все еще остается слабо изученной. При этом сведения о различных аспектах жизни сибирских евреев содержатся в значительном круге источников: законодательных актах, статистических материалах, мемуарах, письмах, записках путешественников, периодической печати, делопроизводственной документации, историко-этнографических описаниях.

Первые попытки правовой регламентации жизни евреев в регионе относятся к началу XIX в., когда собственно и происходит формирование сибирских общин. При этом правовой статус евреев в Сибири имел свои особенности. Эти особенности определялись политикой властей, отличавшейся от той, что проводилась в отношении евреев других регионов государства, хотя и находившейся в общем русле официальных позиций по «еврейскому вопросу».

The article is devoted to the process of formation of Jewish diaspora in Siberia in XIXth – the beginning of the XXth centuries. Among features promoting the formation of Jewish community in Siberia it is possible to name a considerable role of the exile at an initial stage of folding the Jewish population, the prevalence of a natural increase in increase of diaspora, the inconsistent policy of the central authorities and mainly negative attitude of local administration. At the same time relations with local population and local communities were substantially tolerant, as has predetermined, finally, successful integration of Jews into the Siberian society.

Key words: Jews, diaspora, Siberia, community, tolerance.

После того, как в 1791 г. была установлена «черта еврейской оседлости», Сибирь была исключена из числа губерний, в которых разрешалось проживать евреям. Легально находиться за Уралом могли только еврей-христиане, ссыльные, каторжане или получившие особое разрешение.

Тем не менее численность еврейского населения в регионе начиная с рубежа XVIII–XIX вв. быстро увеличивается. В 30-е гг. XIX столетия появляются уже довольно значительные компактно проживающие группы евреев (в Тобольске, Каинске, Омске, Томске, Иркутске, Нижнеудинске), и именно с этого момента можно говорить об еврейской диаспоре в Сибири.

Специфика формирования еврейской диаспоры в Сибири связана со ссылкой сюда уголовных и политических преступников из европейской части страны. Ссылка в Сибирь как наказание за различные преступления применялась очень широко, распространялась на те преступления, которые прежде подлежали другим видам наказаний, например, членовредительство, нищенство, бродяжничество. В начале XIX в. было издано несколько указов, определивших ссылку в Сибирь наказанием за некоторые маловажные правонарушения, совершенные евреями. Так, напри-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв.», шифр 2010-1.1-300-151.

мер, ссылке подлежали евреи, не платившие подати в течение трех лет [1, с. 29].

Однозначно охарактеризовать политику государства в отношении сибирских евреев как дискриминационную нельзя, как было отмечено, «скорее складывается мнение, что государство не имело четкой линии в отношении евреев» [2, с. 10–11]. Об этом свидетельствуют противоречивые законы, принятые по отношению к сибирским евреям: в 1827 г. был издан закон, запрещающий евреям-мужчинам следовать к месту ссылки вместе с сосланными женами; с 1834 г. евреи, сосланные в Сибирь на поселение, получили право причисляться в купечество; закон 1836 г. разрешил переселение в Сибирь; 1837 г. – запретил; в 1847 г. было позволено выдавать торговые свидетельства всем евреям; в 1859 г. – разрешено сибирским евреям переселяться в губернии «черты оседлости», но запрещено евреям из несибирских губерний приезжать в Сибирь.

После принятия закона 1865 г. «О дозволении евреям жить во всех местах Империи и заниматься безо всяких ограничений, на одинаковых со всеми русскими правах, ремеслами и промыслами, соответственно их нравам и способностям», действие его не было распространено на Сибирь. На особом положении находился Алтайский горный округ, где могли проживать только евреи-врачи и отставные солдаты, всем остальным категориям без исключения здесь запрещалось даже временное пребывание [3, с. 102].

Как справедливо отмечает Л.В. Кальмина, «положение евреев регулировалось многочисленными, порой неясными, часто противоречащими друг другу законами и подзаконными актами» [4, с. 18]. Нередко даже высшие чиновники не всегда знали, как трактовать тот или иной законодательный акт.

Тем не менее численность евреев в Сибири постоянно росла. Для того, чтобы перебраться за Урал и закрепиться здесь, использовались различные способы обойти запреты: путем передачи паспорта своему единоверцу, покупки ремесленного свидетельства в Сибири и т.д. Особенно затруднительно было выслать евреев, вступивших в подрады с казной. Существовала даже определенная «технология» закрепления в Сибири: часто незаконно проживавший здесь еврей затягивал выселение под предлогом ликвидации дел, болезни членов семьи, суровости времени года и т.п. В результате выселение постоянно откладывалось. В то же время выселяемые евреи постоянно направляли жалобы в МВД, которое приостанавливало распоряжения губернского начальства о высылке. Ходатайства об отсрочке высылки евреев подавали и сибиряки-христиане, которые с течением времени вступали с евреями в различные правовые, имущественные и личные отношения [2, с. 12–13].

Существовали и другие способы перебраться в Сибирь. Часто использовали фиктивное крещение,

приобретение поддельных справок и документов, дающих право повсеместного жительства. Некоторые даже специально совершали незначительные преступления или прибегали к самооговору – признавались в совершении преступлений, за которые полагалась высылка в Сибирь (конокрадство, мелкие кражи, подделка и распространение фальшивых ассигнаций, контрабанда) [5, с. 24].

Существовало также несколько категорий евреев, которые имели право на жительство в Сибири: лица с высшим образованием или учеными степенями, врачи, аптекари, фельдшеры, некоторые категории ремесленников и мастеров. В 1867 г. право на повсеместное жительство, в том числе и в Сибири, а также возможность приписываться с семьями в мещанские и купеческие общества получили отставные нижние чины прежнего рекрутского набора. Имели право жить в Сибири дети кантонистов и «николаевские солдаты». В начале XX в. эти группы пополнились также евреями – участниками Русско-японской войны, а затем и беженцами из западных губерний в период Первой мировой войны.

Правовое положение предпринимателей еврейской национальности также отличалось некоторой спецификой. В Российской империи, вплоть до начала XX в., для евреев занятие торговлей вне черты оседлости, включавшей некоторые приграничные губернии и области, было сопряжено с немалыми трудностями. Еще в 1824 г. по личному указанию императора Александра I был принят указ, запрещающий евреям заниматься золотодобычей. Кроме того, долгое время (до 1863 г.) купцов-евреев было запрещено возводить в почетное гражданство, было ограничено их право на участие в городском самоуправлении, в 1887 г. издается закон, запрещающий евреям питейную торговлю и винокурение. Евреи региона были также ограничены в праве приобретать и арендовать недвижимость.

Эти ограничительные меры во многом могут объясняться также тем, что Сибирь, еще с момента вхождения в состав России, рассматривалась как объект эксплуатации, прежде всего со стороны государства. В силу этого на протяжении долгого времени существовали различные ограничения для использования сибирских богатств со стороны частных лиц, к числу которых относились нераспространение в регионе крепостного права, частного землевладения и свободного предпринимательства.

Со стороны местных властей, состоявших преимущественно из чиновников – выходцев из европейской части страны, отношение к евреям было часто негативным. Резкий рост еврейского населения вызывал неприязнь у сибирской администрации. Так, в октябре 1884 г. тобольский губернатор поддержал ходатайство Тобольской городской думы о приостановке причисления евреев к тобольскому мещанскому обществу, высылке неправильно приписанных и временно про-

живающих в черту оседлости, ограничении прав на питейную торговлю [2, с. 14].

Чиновники, прибывавшие из центра страны, несли с собой иную, по сравнению с характерной для местных сообществ ментальность, чертами которой были нетерпимость и антисемитизм. Поэтому представителей властных структур всех уровней отличала, как правило, достаточно жесткая антиеврейская позиция. О роли местной администрации бывший чиновник Омского областного правления Т.И. Тихонов писал: «Кроме так называемого законодательства о евреях, существует нечто неизмеримо худшее, это так называемая местная политика по отношению к евреям. Эта политика... постоянно меняется, находясь в зависимости не только от местных генерал-губернаторов, но и более скромных по положению, но всемогущих по существу уездных начальников, исправников, приставов и т.д.» [6, с. 290].

В официальном издании – «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 г.» говорилось о евреях: «Не занимаясь ни хлебопашеством, ни скотоводством и избрав для себя одну только отрасль промышленности – тайную беспатентную торговлю вином, они служат тяжелым бременем для местного населения, эксплуатируя его на все возможные манеры. Ростовщичество и сбыт краденых вещей – самые излюбленные занятия евреев, и этим объясняется тот факт, что они через год, через два по прибытии путем ссылки в Сибирь из нищих делают людьми весьма достаточными и, обзаведясь порядочными домами, щеголяют и дорогими костюмами, и разного рода драгоценностями. Изошрив себя в искусстве прятать концы в воду, Израиль весьма редко попадает в преступления уголовного свойства, но и облеченный в них, он разными изворотами и пронырством избегает большею частью кары закона» [7, с. 51–52].

В начале XX в. Сибирь становится полностью закрытой территорией для всех категорий евреев, даже столь необходимых в регионе, как врачи, учителя, инженеры, ремесленники. Ю. Островский писал о том, что по всей Сибири устанавливались кордоны для приезжавших евреев, и на их паспортах ставилась печать «Въезд в сибирские города воспрещен» [8, с. 25]. В указе Сената 1907 г. категорично утверждалось: «Всем евреям без изъятия проезд и водворение в Сибирь воспрещается». Исключение составляли только ссылаемые на дальнюю окраину преступники.

Столь очевидное несоответствие политики царизма объективным потребностям развития региона не могло не вызывать удивления. Действительно, если в отношении евреев европейской части страны репрессивные меры могли быть объяснены протекционизмом по отношению к русскому населению, ограждению его от конкуренции в условиях перенаселенного региона, то в условиях малонаселенной и слабо освоенной Сибири они теряли всякий смысл. Корни этой по-

литики, по-видимому, крылись в самом характере политического строя Российской империи, а также в колониальной по своей сути политике, проводимой по отношению к Сибири.

Многочисленные запретительные меры правительства не прекращали притока евреев в Сибирь. Несмотря на разнообразные правовые ограничения, еврейское население региона с каждым годом росло: в 1835 г. его численность составила 1735 чел., в 1840 г. – 2184, в 1859 г. – 3874, в 1875 г. – 11400 чел. [9, с. 52–53; 10, с. 126]. Во второй половине XIX в. большую роль в увеличении численности общин играл естественный прирост населения, который был значительно выше, чем у православных. По данным переписи 1897 г., в Сибири проживало 34477 евреев [11, с. 39].

Специфика формирования еврейских общин региона в дореформенный период определяла и некоторые демографические особенности. Так, в 50–60-х гг. XIX в. уровень рождаемости среди всего населения Тобольской губернии оставался очень высоким – 54‰, в то же время среди еврейского населения значительно ниже – 26,9‰. Чрезвычайно высокой была смертность населения – 39,1‰, в то же время среди евреев смертность была значительно ниже – коэффициент смертности составлял 10,5‰. Более благоприятные демографические показатели у евреев заставляют предположить, что уже в середине XIX в. еврейская семья находилась на переходе от традиционного к рациональному типу воспроизводства населения. Как писал историк А.Р. Ивонин, «это означает, что еврейская семья опережала в своем развитии православную, но сама она находилась в начальной стадии демографического перехода» [12, с. 18–19].

Хозяйственные занятия сибирских евреев, в основной своей массе проживавших в городах, были преимущественно городскими: ремесло, различные промыслы и в первую очередь торговля. Закаленная тяжелыми условиями предпринимательства в черте еврейской оседлости, более образованная и дальновидная, вобравшая в себя опыт более развитого капитализма Европейской России и отчасти Европы, спаянная традиционно крепкими национальными и родственными узами, еврейская буржуазия составляла серьезную конкуренцию складывающейся сибирской буржуазии. В начале XX в. евреи также участвуют в формировании сибирской интеллигенции, осваивая профессии аптекарей, врачей, педагогов, адвокатов.

Необходимо отметить, что религиозная жизнь евреев в Сибири, в силу специфики местных условий, во многом отличалась от религиозной жизни их единоверцев в черте оседлости. Религиозные традиции на отдаленной окраине страны выполнялись не столь строго – не всегда соблюдалась суббота, не совершались ритуальные омовения, в домашних условиях религиозные обряды исполнялись не в полном объеме.

Соблюдение правил кашрута было иногда просто невозможно из-за отсутствия в том или ином населенном пункте резников. Администрация сдерживала рост числа молитвенных домов, являвшихся центрами религиозной жизни. Да и климатические особенности региона не способствовали исполнению некоторых обрядов, как например, ритуальные омовения в открытых водоемах [13, с. 183].

Все это определило меньшую религиозность сибирских евреев. Так, Ю. Островский, посвятивший сибирским евреям специальную книгу, писал в начале XX в.: «Сибирский еврей не набожен: он редко ходит в “молельню”, торгует по субботам, а некоторые – даже и по праздникам, если последние совпадают с базарными днями, постов он также не соблюдает» [8, с. 26]. Ю. Мучник также отмечает, что к началу XX в. в большинстве своем сибирские евреи субботы не соблюдали, так же, как и другие заповеди. Мало кто из них знал иврит и идиш [14, с. 58].

Отношение местных сообществ к евреям, место, которое евреи занимали в социальной системе региона, во многом определялось спецификой Сибири как района интенсивной колонизации. Сибирь издавна была перекрестком культур и народов. Русские, заселившие в XVII–XIX вв. обширные пространства за Уралом, сами были пришлыми здесь. Сибиряки с самого первого времени поселения контактировали с иными народами, верованиями, культурными традициями. Это во многом определило толерантность местного населения к «иным»: «...оставаясь православным, сибиряк индифферентен к вопросам веры вообще. Привыкнув издавна видеть в своей среде ссыльных сектантов разных толков, затем – евреев, магометан, лютеран, католиков, приглядываясь к жизни и верованиям своих близких соседей – буддистов и шаманистов, он выработал известную веротерпимость взглядов» [2, с. 22]. Еврейское население не имело, как правило, в глазах сибиряков образа «чужака», порождающего враждебность, как это было в европейской части страны.

В результате происходил процесс восприятия «сибирскости», «осибирячивания» местных евреев, на который неоднократно обращали внимание современники: «Относительно перевоспитания еврея в сибиряка замечено... Евреи в Сибири одеваются по-

русски, женщины ничем не отличаются от сибирских мещанок. По костюму в среде местного населения они не представляют особенной группы. Только физиономия обособляет их... поколение, народившееся в Сибири, не знает польского и довольно сильно в русском. Третье поколение забывает и еврейский язык и даже дома со своими непременно говорит по-русски... В четвертом, третьем поколении неопита все следы еврейства совершенно сглаживаются» [15, с. 128]. Газеты этого времени писали: «еврей в Сибири ничем не отличается от *сибиряка другой национальности* (курсив мой. – Ю.Г.) ни по внешнему облику, ни по образу жизни, и даже в религиозной твердыне пробита заметная брешь» [16, с. 16]. Во многом эта ситуация объяснялась спецификой региона: «Сибирь, со своими крупными особенностями, с исключительными требованиями, умела превратить в сибиряков безразлично инородцев и иноземцев» [15, с. 363].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. сибирские евреи, под влиянием местных условий, образовали достаточно специфическую общность, заметно отличавшуюся по своему образу жизни, экономическому и социальному положению, культурно-психологическому типу не только от евреев черты оседлости, но и всех других регионов Российской империи. Местные евреи достаточно успешно интегрировались в сибирское общество, адаптировались к новым условиям, став одним из компонентов сибирского социума, сохранив при этом свою национально-конфессиональную идентичность и сумев не перейти грань между аккультурацией и ассимиляцией.

Среди особенностей формирования еврейской общины Сибири можно назвать значительную роль ссылки на первоначальном этапе складывания еврейского населения, все большее с течением времени преобладание естественного прироста в увеличении численности диаспоры, противоречивая политика центральных властей и преимущественно негативное отношение местной администрации. В то же время взаимоотношения с местным населением и местными сообществами были в значительной степени толерантными, что и предопределило, в конечном счете, успешную интеграцию евреев в сибирский социум.

Библиографический список

1. Антропова И.Е. К истории формирования еврейских общин Тобольской губернии и г. Тюмени (XVII в. – 1837 г.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...». Из истории еврейской общины в Тюмени. – Тюмень, 2004.
2. Клюева В.П. Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе

- (XVII – начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...». Из истории еврейской общины в Тюмени. – Тюмень, 2004.

3. Систематический сборник законов о евреях, составленный Л.М. Роговиным. – СПб., 1913.

4. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). – Улан-Удэ, 2003.

5. Рабинович В.Ю. Евреи и иркутское общество (конец XIX – начало XX в.) // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. – М., 1999.
6. Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. – 1905. – №1.
7. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. – Тобольск, 1884.
8. Островский Ю. Сибирские евреи. – СПб., 1911.
9. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения XIX – начала XX в. – Томск, 2004.
10. Евреи: история по Брокгаузу и Бухарину. – М. ; СПб., 2003.
11. Белов С.Л. Еврейское население Тобольской губернии в конце XIX в.: социально-демографический портрет (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1997 г. – Тюмень, 1999.
12. Ивонин А.Р. Еврейское население Западной Сибири в демографических процессах 30-х – начала 60-х гг. XIX в. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока : материалы III регион. науч.-практ. конф. – Красноярск ; Улан-Удэ, 2002.
13. Гончаров Ю.М. Религиозная жизнь как форма национальной саморганизации еврейских общин Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – №2 (13).
14. Мучник Ю.М. Религиозная жизнь сибирских евреев в XIX столетии (по материалам Томской губернии) // Диаспоры. – 1999. – №1.
15. Максимов С.В. Сибирь и каторга. – Ч. 1: Несчастные. – СПб., 1871.
16. Моравский В. Сибирские евреи и конституция // Сибирские вопросы. – 1909. – №35.